

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

12

1961

ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНАЯ РЕФОРМА 1921—1922 ГОДОВ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

С первых дней победы социалистической революции и установления Советской власти в Туркестане Коммунистическая партия обратила особое внимание на разрешение земельно-водного вопроса в крае, руководствуясь ленинским «Декретом о земле» и «Основным законом о социализации земли».

Но к началу восстановительного периода аграрный вопрос в Туркестанской республике еще не был разрешен. Земли и воды не были изъяты у крупных баев и кулаков; не везде было ликвидировано и помещичье землевладение, а главное — сохранялись еще пережитки колонизаторской политики русского царизма, существовало огромное неравенство в пользовании водой и землей между коренным и русским населением. Это неравенство создалось в результате колонизаторской политики царизма, отобравшего у коренного населения лучшие земли для русских переселенцев. Всего в Туркестане на 1 января 1915 г. у коренного населения было изъято 4655 тыс. десятин земли, в том числе 1900 тыс. десятин пахотных угодий, клевверников, садов (т. е. свыше 50% культурных земель края)¹.

В 1915 г. переселенцы из России составляли 8% сельского населения Туркестана, а в их руках находилось 50% культурных земель края². Размер казачьего хозяйства по царскому закону 1914 г. определялся в 90—120 десятин (из расчета по 30 десятин удобной земли на душу мужского пола), а на одно киргизское хозяйство, например, приходилось в среднем лишь 1,66 десятины пашни.

В результате жестокой колонизаторской политики царизма коренное население вытеснялось в северные районы пастбищного животноводства и обрекалось на нищету, голод и постепенное вымирание.

Таким образом, одной из первоочередных задач Коммунистической партии и Советской власти в Туркестане была ликвидация тяжелых последствий колонизаторской политики русского царизма в области аграрных отношений и уравнивание в правах на

землю и воду коренного и русского населения.

Для разрешения аграрного вопроса и осуществления ленинской национальной политики в Туркестане крайне необходимо было провести земельно-водную реформу.

Задачи реформы были четко сформулированы в решении ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 г., X съезда РКП(б), V съезда Коммунистической партии Туркестана и IX съезда Советов Туркестанской АССР.

В решении ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 г. «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане» указывалось на необходимость ликвидации отношений, создавшихся между пришлым, европейским населением и коренными народами края, в результате империалистической политики царского самодержавия³.

V съезд Компартии Туркестана (сентябрь 1920 г.), обсудивший земельный вопрос в Туркесреспублике, во исполнение решения ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 г. постановил изъять у русских переселенцев-кулаков все земли, экспроприированные и розданные бывшим Переселенческим управлением или захваченные самовольно, оставляя им участки в размере трудовой нормы.

IX съезд Советов Туркесреспублики (сентябрь 1920 г.) определил следующие ближайшие задачи аграрной реформы:

1) ликвидация нетрудовых кулацких и байских хозяйств и распределение земель Туркесреспублики в первую очередь между безземельными и малоземельными батраками, дехканами, чайрикерами по трудовым нормам;

2) уравнивание в правах на пользование землей и водой русского и коренного населения с изъятием у русских переселенцев земельных излишков для землеустройства коренного населения;

3) устройство кочевников, переходящих на оседлое положение⁴.

³ См. «Резолюции и постановления съездов КПТ 1918—1924 гг.», Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, стр. 56.

⁴ См. Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 1459, л. 106.

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 1704, л. 11.

² Там же.

Земельно-водная реформа означала дальнейшее развитие социалистической революции в русской деревне, узбекском кишлаке и киргизском ауле. Ее главной задачей было уравнивать в правах на землю и воду русское и коренное население, способствовать ликвидации былого экономического и политического неравенства народов Туркестана, сломить сопротивление буржуазных элементов в деревне — русского и местного кулачества, — укрепить союз пролетариата с крестьянством и Советскую власть в Туркесреспублике.

Одновременно земельно-водная реформа была направлена против феодальных и патриархальных пережитков в сельском хозяйстве Туркестана, тормозивших дальнейшее развитие его производительных сил, осуществление социалистических преобразований, повышение материального и культурного уровня жизни трудового дехканства. Основными пережитками были сохранившееся еще крупное землевладение, господство издольной натуральной аренды (чайрикерство в различных формах), общинный порядок землепользования, наследственный характер землевладения (по нормам шариата), что вело к бесконечному дроблению земельных участков, массовому обеднению и закабалению трудящихся дехкан.

Следует отметить, что разрешение этих задач в ходе земельно-водной реформы проходило одновременно, хотя конечные результаты их были не одинаковыми. Если первая задача была осуществлена успешно, то вторая проблема была более трудной, и ее нельзя было разрешить за один-два года путем одних революционных мер. Необходимо было создать определенные материальные предпосылки для перехода в решительное наступление против остатков феодальных отношений в сельском хозяйстве Туркестана, повысить классовую сознательность трудового дехканства и т. д. Эта задача была осуществлена в период второй, завершающей и гораздо более широкой и глубокой земельной реформы в Средней Азии, проведенной в 1925—1928 гг.

На основании решений V съезда КПТ и IX съезда Советов ТАССР были разработаны основные положения о землеустройстве, и ТуркЦИК и Совнарком ТАССР утвердили «Положение о землепользовании и землеустройстве в Туркесреспублике» (17 ноября 1920 г.) и «Положение о землеустройстве кочевников, переселенческих поселков и казачьих станиц» (15 декабря 1920 г.).

Наркомзем ТАССР разработал «План землеустроительных работ в Туркесреспублике», одобренный Турккомиссией ЦК РКП(б) и Совнаркомом ТАССР 22 декабря 1920 г. Этим планом были определены районы ударных землеустроительных работ: Семиреченская область (Пржевальский, Пишпекский и Алмаатинский уезды), Сырдарьинская область (Аулиеатинский,

Чимкентский и часть Ташкентского уезда), Ферганская область (Андижанский и часть Ошского уезда). Ударные землеустроительные работы намечалось осуществить на площади 1800 тыс. десятин с охватом около 850 селений⁵. Половину этой земли — 900 тыс. десятин — следовало предоставить для землеустройства 60 тыс. семей коренного населения (по 15 десятин на каждую семью).

Кроме ударных работ, в оседлых районах было решено изъять земли у нетрудовых и эксплуататорских хозяйств и немедленно устроить на них тех трудящихся дехкан, чайрикеров и мардикеров, которые фактически обрабатывали эти участки. Всего предполагалось изъять до 10 тыс. десятин и распределить их между 1000 семей безземельных дехкан.

Намечалось также изъятие излишков (всего до 10 тыс. десятин) сверх утвержденных норм землепользования во всех районах Туркесреспублики, как в русских поселках, так и среди коренного населения. На этих землях предполагалось устроить еще 1000 семей. В фонд для безземельного населения предполагалось обратить также до 100 тыс. десятин земли бывших оброчных статей и подлежащих упразднению советских хозяйств. На этих землях можно было устроить около 8 тыс. семей.

Таким образом, по плану намечалось устроить на площади свыше 1 млн. десятин 70 тыс. семей безземельных и мало-земельных дехкан и скотоводов коренного населения республики⁶.

Состоявшийся 22 января 1921 г. в г. Аулиеата первый краевой съезд казахской, киргизской, узбекской бедноты признал «земельную политику Советской власти в Туркестане правильной и отвечающей требованиям киргизской бедноты»⁷ и одобрил программу земельно-водной реформы в Туркесреспублике.

Проведение земельно-водной реформы 1921—1922 гг. в Туркестанской АССР можно разделить на два основных периода.

Первый период продолжался с января по август 1921 г. 21 января 1921 г. Туркбюро ЦК РКП(б) и Исполбюро ЦК КПТ постановили: «Считать ударной задачей проведение земельной реформы в крае...»⁸. В этот период ставилась задача сломить сопротивление русского кулачества, уравнивать в правах на землю коренное и русское население, ликвидировать в основном последствия колонизаторской политики русского царизма в Туркестане.

⁵ См. Партархив Института истории партии при ЦК КПУЗ, ф. 56, оп. 1, д. 190, л. 13.

⁶ См. там же.

⁷ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркесреспублики, 29 января 1921 г., № 20.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-735, оп. 1, д. 201, л. 9.

Х съезд партии (март 1921 г.) в решениях «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» призвал трудящихся узбеков, киргизов, казахов объединиться с трудовыми массами местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества, особенно хищнического великорусского кулачества, и обязал туркестанских коммунистов «помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования»⁹.

Для успешного проведения земельной реформы Коммунистическая партия Туркестана и правительство Туркеспублики провели огромную организаторскую и пропагандистско-агитационную работу в районах ударного землеустройства.

В областные и уездные центры этих районов были направлены руководящие партийные и советские работники. Так, в Семиречье было послано около 100 ответственных партийных и советских работников во главе с членами ЦК КПТ Лепя, Городецким, Беликом, Джандосовым¹⁰. Семиреченский обком партии направил в районы землеустройства свыше 250 коммунистов и столько же комсомольцев для ведения разъяснительной работы среди трудового населения.

В каждом уезде были организованы ударные землеустроительные комиссии (земтрюйки) в составе председателей угоркома партии, угорисполкома и заведующего уездным земотделом.

По решению первого Всетуркестанского съезда киргизской бедноты были мобилизованы и направлены в районы землеустройства 130 лучших представителей казахской и киргизской интеллигенции¹¹.

Были обновлены и укреплены местные Советы и областные земельные органы, мобилизованы специалисты сельского хозяйства, проведены краткосрочные курсы по подготовке инструкторов по земреформе. Весной 1921 г. землеустроительные курсы, организованные Наркомземом ТАССР, окончили около 100 работников, главным образом узбеков, казахов и киргизов¹².

Земельная реформа вызвала массовый революционный подъем беднейших слоев крестьянства, принимавших в ней самое активное участие.

21 января 1921 г. Туркбюро ЦК РКП(б) и Исполбюро ЦК КПТ приняли совместное постановление, в котором отмечалось, что в период проведения земельной реформы следует считать важнейшей зада-

чей «организацию союза безземельных и малоземельных дехкан»¹³.

Беднейшие слои кишлака и аула объединялись в союзы «Кошчи» и «Чарва», принимавшие активное участие в землеустроительных комиссиях. В 1921 г. в районах землеустройства насчитывалось не менее 200 союзов бедноты (уездных и волостных), охватывавших более 100 тыс. членов¹⁴.

В ходе реформы укреплялся классовый союз киргизской, казахской, узбекской бедноты с беднейшими слоями русского крестьянства Туркестана.

Проходивший в начале июля 1921 г. областной съезд киргизской бедноты и батраков Семиречья решил привлечь на сторону киргизской и узбекской бедноты полупролетарские элементы русской деревни. Выражая чувства и настроения всей бедноты Семиречья и Туркестана, потомственный батрак Худайкулов говорил на съезде:

«Раньше на всяких празднествах русский бедняк и бедняк-киргиз были всегда в задних рядах: киргиз-бедняк участвовал только как джигит уездного начальника, а русский — как кучер какого-нибудь начальника. Теперь не то. Разбита вековая стена национального недоверия, теперь мы все вместе под нашими красными знаменами. Мы — беднота, русские, киргизы, узбеки, татары, труженники всех наций — хозяева земли»¹⁵.

Об укреплении этого союза свидетельствуют, например, такие данные — осенью 1922 г. в северных уездах Семиречья среди членов союза «Кошчи» насчитывалось около 15% русских¹⁶.

На первых порах реформа проводилась чрезвычайными методами, ибо надо было сломить яростное сопротивление колонизаторского кулачества. Кулаки отказывались от весеннего сева, всячески стремились сорвать работу земельно-водных комиссий, угоняли в горы подлежащий отчуждению скот, портили сельхозинвентарь, разрушали арычную систему, применяли вооруженное сопротивление и террор в отношении активных членов земельно-водных комиссий.

Так, в Джалалабадском районе Ферганской области бан и кулаки позвали на помощь шайку басмачей во главе с курбашой Израилем. Бандиты сожгли живыми 9 активных представителей бедноты района, а многих беспощадно избили¹⁷.

¹² Там же.

¹³ Там же, ф. Р-735, оп. 1, д. 201, л. 9.

¹⁴ Партагив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 1141, л. 16.

¹⁵ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 19 июня 1921 г., № 133.

¹⁶ Журн. «Жизнь национальностей», М., 1923, № 2, стр. 37.

¹⁷ См. газ. «Красная Фергана», 17 июня 1921 г., № 61.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7-е, М., Госполитиздат, 1954, стр. 561.

¹⁰ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 16 августа 1921 г., № 181.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 1967, л. 33.

Особенно сильно сопротивлялись проведению реформы кулаки Семиречья, где органами Советской власти было раскрыто и ликвидировано несколько контрреволюционных банд. Кулаки, банды, манапы распространяли контрреволюционные слухи, что якобы «хотя бы всех русских выселить из Туркестана», запугивали коренное трудовое население угрозами о том, что их кишлаки будут разгромлены.

Но все усилия классовых врагов и их идейных вдохновителей — великодержавных шовинистов и местных буржуазных националистов — сорвать проведение земельно-водной реформы в Туркестане закончились полным провалом.

Советская власть, трудовые массы крестьянства, революционным путем расправляясь с кулаками, баями, манапами, отбирали у них землю, воду, скот, инвентарь и передавали их дехканам-беднякам.

К осени 1921 г. первый ударный период земельно-водной реформы в ТАССР закончился. VI съезд КПТ (август 1921 г.), подводя итоги реформы, указал на ее огромные политические и экономические результаты и отметил, что сопротивление кулацко-колониаторских, а также байско-манапских элементов в основном сломлено и в дальнейшем должно осуществляться планомерное социалистическое землеустройство.

На 1 декабря 1921 г. было ликвидировано 63 самовольческих поселка с 2566 хозяйствами, 3210 хуторов, займок и отдельных кулацких хозяйств.

В фонд для землеустройства поступило 1 722 625 десятин удобной земли¹⁸, из них 578 481 десятина была выделена для устройства коренного безземельного и малоземельного населения, а также различным организациям и учреждениям¹⁹. Землю получили до 20 000 безземельных и малоземельных дехкан Туркестана²⁰.

Второй период земельно-водной реформы в ТАССР продолжался с сентября 1921 г. по сентябрь 1922 г. Основные задачи реформы на данный период были определены VI съездом КПТ и X съездом Советов ТАССР. Эти задачи заключались в следующем:

1. Закрепить политические и экономические результаты земельно-водной реформы, достигнутые в первый ударный период.
2. Завершить ликвидацию нетрудовых байских и кулацких хозяйств и уравнивание в правах на землю и воду коренного и русского населения там, где этого не было сделано в течение первого периода реформы.
3. Приступить к планомерному социалистическому землеустройству земледельческих и скотоводческих хозяйств в районах

оседлого земледелия и пастбищного скотоводства²¹.

Надо сказать, что в связи с введением новой экономической политики, известным оживлением частного капитала, ростом кулачества в деревне, а также некоторыми перегибами при проведении земельной реформы, колонизаторские элементы в Туркестане подняли головы и выступили за пересмотр земельной политики Советской власти. Они распускали провокационные слухи, что земельная реформа якобы будет отменена, и у коренного населения вновь отберут земли, переданные ему в 1921 г. Но всем этим проидам был дан решительный отпор.

16 января 1922 г. ЦК РКП(б) обратился со специальным письмом к Компартии Туркестана, в котором указывалось, что «линия национальной политики в Туркестане ни в какой степени не изменяется так называемым «новым курсом» экономической политики. Глубоко ошибочны и совершенно поверхностны выводы тех товарищей, которые считают, что проведение новой экономической политики в Туркестане должно привести к пересмотру земельной политики Советской власти, например, — пересмотру Семиреченской земельной реформы, возвратившей киргизскому населению захваченные у него земли, эти выводы — суть старое колонизаторство под новым флагом, совершенно ложно приписывающее Советской власти готовность вернуть киргиз в кабалу фермеру-кулаку. ЦК РКП(б) санкционировал Семиреченскую земельную реформу (при спешном проведении которой, конечно, могли быть отдельные неправильности и недочеты) и не допустит никакого возврата к прошлому»²².

Это письмо сыграло важную роль в большевизации и сплочении партийной организации Туркестана, вооружив ее конкретной программой борьбы за осуществление ленинской национальной политики и решение земельного вопроса в ТАССР.

В 1922 г. землеустройство в основном велось в Аулиятинском и Чимкентском уездах Сырдарьинской области и в Андижанском уезде Ферганской области — на площади 145 тыс. десятин²³. Велась работа по завершению земельной реформы и в Семиреченской области.

Большую роль в успешном завершении земельно-водной реформы сыграли союзы «Кошчи», участвовавшие в разработке планов землеустроительных работ и контролировавшие их осуществление. Беднейшие слои крестьян видели в союзе «Кош-

²¹ См. ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 536, л. 75.

²² «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 7 февраля 1922 г., № 28.

²³ См. «Отчет СНК и Экономического Совета Туркеспублики на 1 октября 1922 г.», Ташкент, изд. ТЭС, 1922, стр. 256.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 846, л. 204.

¹⁹ Там же, л. 205.

²⁰ Там же, л. 204.

чи» свою классовую пролетарскую организацию на селе, защищавшую их интересы, а потому росла тяга бедняков и батраков в союз «Кошчи» в период проведения земельно-водной реформы.

К осени 1922 г. число членов союза «Кошчи» выросло в Сырдарьинской области до 90 тыс., в Семиреченской — до 80 тыс., в Самаркандской — до 30 тыс., в Туркменской — до 30 тыс., в Ферганской — до 25 тыс., в Амударьинской — до 5 тыс., а всего по ТАССР — до 260 тыс. К осени 1922 г. союз «Кошчи» насчитывал, помимо ЦК союза, 6 областных, 32 уездных, более 200 волостных союзов и 2000 аульных и кишлачных объединений²⁴.

В ходе проведения земельно-водной реформы создавались сельскохозяйственные кооперативы и совхозы, осуществлялось социалистическое переустройство сельского хозяйства.

Х съезд Советов ТАССР в резолюции «По земельной политике», принятой 25 августа 1921 г., указал на необходимость «из нетрудовых хозяйств, отчужденных в общегосударственный фонд и имеющих культурную и промышленную ценность, организовать кооперативные, коллективные и советские хозяйства, привлекая в них широкие слои коренного населения, по преимуществу батраков, мардикеров»²⁵.

21 сентября 1921 г. ТуркЦИК издал постановление «О сельскохозяйственной кооперации», предоставившее сельскому населению право образовывать сельскохозяйственные кооперативы как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для совместного сбыта продуктов. Поскольку сельхозкооперация была делом первостепенной важности, всем органам Советской власти предлагалось оказывать ей самое широкое содействие.

На конец 1921 г. в республике насчитывалось 307 колхозов, из них в Сырдарьинской области — 53, в Ферганской — 188, в Закаспийской — 19, в Самаркандской — 34, в Семиреченской — 13. Они засеивали тогда 19 394 десятины богарной и орошаемой земли²⁶, в том числе 698,5 десятины хлопчатником²⁷.

На 1 июня 1922 г. в ТАССР насчитывалось 319 зерновых и садоводческих колхозов и 60 хлопководческих кооперативов²⁸.

Значительное развитие получают советские хозяйства. Так, в октябре 1921 г. в ТАССР было 70 полеводческих и садоводческих совхозов с общей площадью до

17 880 десятин земли²⁹. В 1922 г. число совхозов в республике увеличилось до 161, в том числе 84 полеводческих, 12 смешанных, 58 садово-виноградных и 7 животноводческих с общей площадью 40 671 десятина земли³⁰.

В результате огромной работы, проделанной партийными и советскими организациями Туркеспублики при активном участии широчайших масс трудового крестьянства, намеченная программа земельно-водной реформы была успешно выполнена к осени 1922 г.

На 1 октября 1922 г. из фонда землеустройства трудовому крестьянству было передано 659 730 десятин земли, из них орошаемых — 27 374, богарных — 512 770 и неудобных — 119 586 десятин³¹. Основная часть этих земель — 534 471 десятина — была использована на устройство коренного населения³².

В связи с окончанием земельно-водной реформы ВЦИК РСФСР в конце августа 1922 г. обратился к населению Семиреченской области и всей Туркеспублики с разъяснением сущности аграрных мероприятий Советской власти. В обращении говорилось:

«1. Земреформа проводилась в Семиречье с ведома и согласия ВЦИК для уравнивания в правах на воду и землю туземного и русского населения. Все то, что проделано Советской властью в области землеустройства, не подлежит изменению, никакого возврата отобранной земли и имущества, обратного вселения и выселения не будет.

2. Так как при спешном проведении земреформы могли иметь место отдельные ошибки, Президиум ВЦИК разбор всех жалоб и претензий, как русского, так и киргизского населения, поручил Комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана для ликвидации в кратчайший срок.

3. Президиум ВЦИК утвердил решение высших органов Туркеспублики, заключающееся в том, что земреформа является законченной и отныне никакие выселения и конфискации скота и т. п. не могут иметь места»³³.

ВЦИК РСФСР призвал всех трудящихся Семиречья — русских и киргизов — «к мирному труду и братскому сотрудничеству на хозяйственном поприще»³⁴.

Успехи земельно-водной реформы 1921—1922 гг. объясняются ее революционным

²⁴ См. журн. «Жизнь национальностей», 1923, № 2, стр. 37.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 536, л. 77.

²⁶ Там же, ф. Р-29, оп. 3, д. 2053, л. 37.

²⁷ Там же, ф. Р-18, оп. 2, д. 35, л. 21.

²⁸ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 22 июня 1922 г., № 133.

²⁹ Журн. «Ирригация, сельское хозяйство, животноводство», орган НКЗ ТАССР, 1921, № 1, стр. 19.

³⁰ Отчет СНК и Экономического Совета Туркеспублики на 1 октября 1922 г., стр. 256.

³¹ Там же, стр. 254.

³² Там же, стр. 256.

³³ «Туркестанская правда», 25 августа 1922 г., № 29.

³⁴ Там же.

характером, умелым руководством Коммунистической партии, активным участием в реформе широчайших масс трудового населения Туркестана.

В письме ЦК КПТ Джетысуйской (Семиреченской) областной парторганизации в связи с окончанием реформы отмечалось, что «земельная реформа была успешно проведена потому, что она вызвала, с одной стороны, революционный подъем среди широких трудовых масс туземного населения и, с другой, — выявила неудержимое стремление земледельческой туземной бедноты к оседанию, к более культурной форме хозяйничания, чем кочевое и полукочевое земледелие»³⁵.

Земельно-водная реформа 1921—1922 гг. имела огромное политическое и экономическое значение для народов Туркестанской АССР.

Во-первых, значение ее состоит в том, что она явилась по своему содержанию аграрной революцией в ранее колонизированных царизмом районах Туркестана, способствовала дальнейшему экономическому раскрепощению трудящихся коренного населения республики, росту их классового самосознания, политической активности и вовлечению в советское строительство. Реформа обеспечила привлечение широких масс трудящихся коренного населения на сторону Советской власти и тем самым упрочила политическое положение Туркестанской Республики.

Во-вторых, земельно-водная реформа нанесла серьезный удар по русским кулакам-колонизаторам, подорвала их экономическую основу и тем самым способствовала их вытеснению. В результате реформы было сломлено сопротивление эксплуататорских, колонизаторских элементов.

В-третьих, реформа еще более укрепила дружбу народов Туркестана с великим русским народом, упрочила классовый союз пролетариата с крестьянством и интернациональный блок русской бедноты с беднотой коренного населения.

В-четвертых, земельно-водная реформа нанесла серьезный удар по эксплуататорским элементам из коренного населения — баям, манапам, торговцам и др., значительно подорвав их экономические возможности.

В-пятых, земельная реформа привела к дальнейшему расслоению, осереднячиванию русской деревни, узбекского кишлака и киргизского аула, укрепила социальную базу диктатуры пролетариата на селе и создала необходимые политические и экономические предпосылки для социалистического преобразования сельского хозяйства Туркестана. В ходе реформы значительно выросло число кредитных кооперативов, колхозов и совхозов.

В-шестых, земельная реформа способствовала решению важнейшей задачи — переходу на оседлое положение значительного числа хозяйств кочевников, которые наделялись землей, сельхозинвентарем, скотом и приобщались к земледельческому хозяйству, к культурной и политической жизни республики, порывая с пережитками феодального и родового быта.

В-седьмых, основное экономическое значение земельно-водной реформы состоит в том, что она увеличила производительные силы республики в результате наделяния десятков тысяч трудящихся крестьян землей, водой, скотом, сельхозинвентарем; позволила укрепить трудовые крестьянские хозяйства и рыночные связи между городом и деревней.

Проведение земельно-водной реформы 1921—1922 гг. явилось большой политической школой для коммунистов Туркестана. В ходе реформы был нанесен сокрушительный удар по колонизаторским элементам, пытавшимся сорвать ее проведение, а также по буржуазно-националистическим элементам, стремившимся раздувать национальную вражду между народами Туркестана. Компартия Туркестана проявила политическую твердость и зрелость в ходе реформы, окрепла идейно и организационно, вновь доказала свою преданность делу коммунизма и способность решать большие хозяйственно-политические задачи.

Земельно-водная реформа 1921—1922 гг. способствовала хозяйственному, политическому и культурному возрождению народов Туркестана и явилась важным шагом в борьбе за ликвидацию их фактического неравенства, за социалистическое переустройство Туркестанской АССР.

М. П. Новиков

³⁵ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 1838, л. 115.

О ПОМОЩИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ БНСР (1920—1924 ГОДЫ)

С первых же дней победы в Бухаре народной советской революции 1920 г. Коммунистическая партия и Советское правительство БНСР стали уделять большое внимание вопросам культурного строительства и прежде всего ликвидации неграмотности и развитию культурно-просветительной работы среди трудящихся

города и деревни в целях повышения их политической сознательности, общего культурного уровня и вовлечения широких народных масс в активное строительство новой жизни.

Как известно, советское строительство в Бухаре проходило в исключительно сложных условиях в связи с глубокой экономи-

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Учинчи йил нашри

6
1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

заведующим тракторного отряда № 41 хлопкозавода г. Коканда, затем тракторного отряда № 10 Тракторопромхоза в г. Андижане (а ныне он возглавляет одно из управлений Андижанской облсельхозтехники). За многолетний плодотворный труд он удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина.

В течение многих лет работал в области сельского хозяйства Борис Ананьевич Добринский. С 1931 по 1958 г. он был главным агрономом Андижанской МТС, а затем главным агрономом Андижанской районспекции. Он разработал и внедрил систему допосевной обработки почвы для орошаемого земледелия, за что ему присуждена Государственная премия, присвоено звание заслуженного агронома Узбекской ССР.

Большое значение для укрепления сельскохозяйственных предприятий республики высококвалифицированными кадрами имело постановление ЦК КП(б)Уз от 6 марта 1932 г.⁸, наметившее мероприятие по улучшению условий труда и быта специалистов колхозов, совхозов и МТС. Это способствовало дальнейшему росту рядов специалистов сельского хозяйства, рабочих совхозов и МТС, ликвидации текущей кадров, повышению их творческой инициативы в борьбе за социалистическое переустройство и дальнейший подъем хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства.

К 1 июля 1933 г. в совхозах и МТС УзССР работало уже 63 379 рабочих, из них 14 682 женщины⁹.

Эта большая армия сельскохозяйственных рабочих своим самоотверженным трудом внесла достойный вклад в выполнение плана первой пятилетки, создание экономического фундамента социализма в Узбеки-

стане, обеспечение хлопковой независимости СССР.

Со времени описываемых событий прошло почти четыре десятилетия. За эти годы в нашей стране полностью и окончательно победил социализм, и советский народ вплотную приступил к решению задач коммунистического строительства. Большие изменения произошли в колхозах и совхозах Узбекистана. Они стали экономически мощными, крупными хозяйствами. Неизмеримо вырос политический и культурно-технический уровень кадров, всех тружеников сельского хозяйства, резко повысился уровень механизации колхозного и совхозного производства в республике. Сейчас здесь насчитывается около 120 тыс. тракторов, свыше 450 тыс. посевных, почвообрабатывающих и других машин и орудий. Парк механизмов для возделывания и уборки хлопчатника систематически пополняется современными высокопроизводительными машинами. Ныне свыше 70% трудовых процессов в хлопководстве выполняют машины. И если в 1958 г. машинами было убрано 63 тыс. т хлопка, то в 1965 г. — 910 тыс. т.

Большая работа ведется по подготовке сельских механизаторов. В УзССР насчитывается свыше 96 тыс. аттестованных трактористов, многочисленная армия механиков-водителей хлопкоуборочных машин, последователей Турсуной Ахуновой, Валентина Тюпко и других наших передовиков, имена которых известны всей стране.

Вдохновленные историческими решениями XXIII съезда КПСС сельские механизаторы Узбекистана полны решимости внести достойный вклад в выполнение нового пятилетнего плана в области сельского хозяйства и своим самоотверженным трудом способствовать дальнейшему подъему хлопководства и других отраслей колхозного и совхозного производства.

А. Нуруллаев

РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНОЙ РЕФОРМЫ 1925—1929 ГОДОВ В ЛИКВИДАЦИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ УЗБЕКИСТАНА

Земельно-водная реформа 1925—1929 гг. являлась одним из важнейших социально-экономических и политических мероприятий Советской власти по созданию предпосылок для победы социализма в Узбекистане. Главной задачей реформы была ликвидация пережитков докапиталистических отношений, антагонистических противоречий между феодалами и крестьянами, без чего невозможно было обеспечить подъем производительных сил в сельском хозяйстве, социалистическое переустройство узбекского кишлака.

Феодалные отношения в Узбекистане ликвидировались в то время, когда в нашей стране победила социалистическая революция и в основном были разрешены противоречия между трудом и капиталом.

В Узбекистане тогда еще сохранялась сильная социально-экономическая и куль-

турная отсталость, унаследованная от феодально-колониального прошлого. Различные области республики резко отличались между собой по уровню социально-экономического развития, классового расслоения и культуры населения.

Такие области, как Ташкентская, Ферганская, Самаркандская, отличались сравнительно более развитыми товарно-денежными, социально-экономическими отношениями, классовой дифференциацией кишлака. Что же касается районов Кашкадарьи, Сурхандарьи и Хорезма, вошедших в состав УзССР из бывших Бухарской и Хорезмской НСР, то здесь существовали еще значительные пережитки феодальных и даже патриархально-родовых отношений, недостаточно обозначилась классовая дифференциация населения, чувствовалось сильное влияние баев и духовенства. Крупные

⁸ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 13, д. 15, л. 139.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 7745, л. 35.

земельные собственники совмещали в себе черты феодала и дельца-капиталиста, ростовщики и торговцы также были носителями как феодальных, так и капиталистических отношений.

Земельные отношения в Узбекистане тех лет характеризовались, с одной стороны, концентрацией земель, скота и сельскохозяйственного инвентаря в руках небольшой группы баев и крупных городских землевладельцев, а с другой, — безземельем и малоземельем основной массы дехканства. Байско-помещичьи элементы, жестоко эксплуатировавшие сельскую бедноту, издольщиков, чайриkerов, не были заинтересованы в подъеме сельского хозяйства. Они вкладывали свои средства в торговлю и занимались ростовщичеством. Все это тормозило рост производительных сил в сельском хозяйстве, интересы дальнейшего развития которого требовали ликвидации феодальных отношений в кишлаке.

Проведение земельно-водной реформы было вызвано также необходимостью ликвидации пережитков сохранившихся в ряде районов патриархальных земельных отношений, землевладения крупной и средней городской буржуазии, ограничения размеров кулацких хозяйств и наделения земель малоземельных и безземельных дехкан, арендаторов, батраков.

По данным Наркомзема УзССР на 1924—1925 гг., в Ферганской области насчитывалось 280 786 крестьянских хозяйств, из них безземельных — 7897 (2,5%), имевших до 2 десятины земли — 213 487. В Самаркандской области из 117 789 хозяйств не имели земли 2462 (2,1%), а до 2 десятины земли имели 50 166 (42,5%). В Ташкентской области среди 77 206 хозяйств 8798 (11,3%) были безземельными и 30 291 (39,4%) имели менее 2 десятины земли. Таким образом, в целом по трем областям УзССР безземельные и малоземельные дехкане составляли $\frac{2}{3}$ всех хозяйств¹. Примерно такая же картина наблюдалась и в Зеравшанской области, где 54,2% хозяйств имели до 2 десятины земли².

Эти факты свидетельствуют об остроте земельного вопроса в Узбекистане середины 20-х годов, на решение которого и была направлена земельно-водная реформа 1925—1929 гг.

В целом по Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областям реформой было затронуто 22 328 хозяйств, из них 680 — помещичьего и 21 648 нетрудового и полутрудового типа³. У хозяйств помещичьего типа было изъято 33 220 десятин, у прочих нетрудовых хозяйств — 59 288, урезано

излишков 52 096 десятин, а всего изъято и урезано 144 604 десятины земли⁴.

Этой землей было наделено по трем областям УзССР 55 230 дехканских хозяйств⁵. Кроме того, дехканам было роздано 55 529 десятин государственных и вакуфных и 53 000 десятин вновь орошенных земель. Всего было землеустроено 76 620 хозяйств⁶.

В Зеравшанской области земельно-водной реформой было охвачено 3408 хозяйств (3,2%), из них ликвидировано 1008 (0,95%) хозяйств, а у 2400 хозяйств (2,26%) изъяты земельные излишки⁷.

Одним из важнейших последствий земельно-водной реформы явилась ликвидация класса помещиков как наиболее реакционной и консервативной силы, противодействовавшей всем мероприятиям Советской власти. Тем самым было разрешено антагонистическое противоречие между помещиками и крестьянами. Удельный вес кулацких хозяйств в кишлаке снизился до 5%. Значительно сократилось число батраков, безземельных и малоземельных дехкан. Основной фигурой узбекского кишлака становится середняк: до реформы батрацко-бедняцкие хозяйства составляли 76% всех хозяйств, середняцкие — 17%, а после реформы — соответственно 43 и 52%⁸.

Таким образом, проведенная Коммунистической партией и Советским государством земельно-водная реформа 1925—1929 гг. привела к существенным изменениям классовой структуры узбекского кишлака. Реформа покончила с докапиталистическими формами эксплуатации и создала объективные предпосылки для последующего уничтожения всех форм эксплуатации в узбекском кишлаке на основе коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Земельно-водная реформа привела к обострению классовой борьбы на селе. Баи, кулаки, реакционное духовенство и прочие классово враждебные элементы оказывали ожесточенное сопротивление проведению реформы и связанных с нею мероприятий Коммунистической партии и Советской власти. Их явное и скрытое противодействие носило самые различные формы, от вооруженных террористических актов до распространения провокационных слухов.

В борьбе против реформы классовые враги пытались использовать экономическую зависимость бедноты от баев, культурную отсталость масс, влияние религии, пережитки патриархально-родовых обычаев и традиций, утонченные формы демагогии и проч.⁹ Особые усилия прилагали они для

⁴ Там же, ф. 58, оп. 2, д. 161, л. 4.

⁵ Там же, ф. 209, оп. 2, д. 368, л. 8.

⁶ Там же, ф. 58, оп. 2, д. 161, л. 4.

⁷ Г. Ризаев, указ. соч., стр. 47—48.

⁸ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 10, д. 62, л. 111.

⁹ См. там же, оп. 1, д. 532, л. 6; д. 779, л. 1, 18, 80, 130 и др.

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 1, д. 324, л. 86.

² Г. Ризаев, Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1947, стр. 11.

³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 209, оп. 2, д. 368, л. 7.

того, чтобы настроить против реформы середняков, вызвать у них враждебное отношение к бедноте, получавшей землю, и к Советской власти, проводившей реформу.

Однако все попытки врагов помешать проведению земельно-водной реформы потерпели провал. Широкие массы трудового дехканства, в том числе середняки, поняли основной смысл реформы и горячо поддерживали земельную политику Советской власти. В ходе реформы повысилась классовая сознательность трудовых слоев кишлака, возросла их общественно-политическая активность.

Об этом ярко свидетельствует усилившаяся тяга передовой, наиболее сознательной части бедноты и батрачества в партию, комсомол, союз «Кошчи» и другие общественные организации. Только в Зиадинской волости в местную партакейку поступило 70 заявлений от батраков и чайрикеров, изъявивших желание вступить в ряды Коммунистической партии¹⁰.

Трудящиеся дехкане, в том числе середняки, оказывали всемерную поддержку местным партийным, советским, хозяйственным и общественным организациям в ликвидации пережитков патриархально-

феодалных отношений в кишлаке. Повсеместно проходили массовые собрания дехкан, одобрявших проведение земельно-водной реформы. Только в Ферганской области состоялось 1080 таких собраний, в которых участвовало 2160 тыс. человек¹¹.

Батраки, чайрикеры, пролетарские и полупролетарские слои кишлака все теснее сплачивались вокруг Коммунистической партии и Советской власти, отражавших и защищавших их классовые интересы. В ходе реформы укрепились смычка и дружба середняков с бедняками, чайрикерами, батраками.

Рост классовой сознательности и общественно-политической активности широких масс трудового дехканства явился одним из важнейших социально-политических итогов земельно-водной реформы и вместе с другими факторами создал необходимые условия для социалистического преобразования узбекского кишлака.

К. М. Турсунов

¹⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 2, д. 595, л. 90.

¹¹ Там же, л. 81.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР

Туркестанская АССР явилась одной из первых автономных советских республик в нашей стране. В результате победы Октябрьской революции и образования Туркестанской АССР народы Средней Азии встали на некапиталистический путь развития и приступили к революционному преобразованию общества. Опираясь на широкие массы трудящихся, органы Советской власти в Туркестане успешно решали стоявшие перед ними задачи.

Важнейшей составной частью государственной деятельности Туркестанской республики было издание и проведение в жизнь социалистических законов. Однако законодательная деятельность высших органов Советской власти республики до сих пор не получила всестороннего освещения, хотя многие авторы затрагивают ее в своих работах¹.

Между тем изучение законодательства Туркестанской республики помогает глубже уяснить роль Советского государства и права в осуществлении перехода народов Средней Азии от докапиталистических отношений к социалистическим, показать последовательную политику партии в проведении революционных мероприятий, рост политической зрелости масс.

¹ См. «История Советского государства и права Узбекистана», т. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960; Ш. З. Уразаев, Туркестанская АССР и ее государственно-правовые особенности, Ташкент, Госиздат УзССР, 1958; его же, Туркестанская АССР — первое социалистическое государство в Средней Азии, М., Госюриздат, 1961;

Коммунистическая партия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина по вопросам государственного, хозяйственного и культурного строительства в Средней Азии и других национальных районах, учитывала особенности развития народов и народностей, не допускала навязывания «сверху» преждевременных социальных преобразований, а постепенно и настойчиво готовила массы к активному, сознательному участию в их проведении. Эта политика партии выражалась прежде всего в законодательной деятельности Советского государства и была закреплена в его Конституции. В. И. Ленин, говоря о политике партии, подчеркивал, что она отражена в Советской Конституции².

Законодательная деятельность ТАССР, также будучи воплощением политики Коммунистической партии, проводилась с помощью государственно-правовых средств — путем издания законодательных актов высшими органами государственной власти республики. В этой связи большое значение имеет определение начального момента в

О. И. Чистяков, Национальное государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны, М., Изд-во МГУ, 1964; М. Х. Хакимов, Развитие советской государственности в Узбекистане, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965; А. А. Гордиенко, Творческая роль Советского государства и права в социалистическом преобразовании Туркестана, Ташкент, Госиздат УзССР, 1959, и др.

² См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 307.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

10
1979

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ИСТОРИОГРАФИЯ

ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНАЯ РЕФОРМА 1925—1927 ГОДОВ В УЗБЕКИСТАНЕ
В ОСВЕЩЕНИИ МАРКСИСТОВ-АГРАРНИКОВ 20-х ГОДОВ

В трудах аграрников-марксистов 20-х годов одно из центральных мест по праву занимает изучение земельно-водной реформы, проведенной в Узбекистане в 1925—1927 гг. В сущности нет ни одной сколько-нибудь значительной работы, вышедшей в те годы и исследовавшей советскую аграрную политику и аграрные отношения в кишлаке 20-х годов, которая не попыталась бы дать характеристику этой важной проблемы, указать ее место в социалистической реконструкции дехканского хозяйства. В частности, представляют интерес работы, опубликованные непосредственно в период реформы и вскоре после ее завершения. Некоторые из них принадлежат перу видных деятелей Коммунистической партии и до сих пор сохраняют характер важного исторического источника. Это доклады А. Икрамова¹, И. Зеленского², Ф. Ходжаева³, прочитанные на партийных пленумах и съездах. В них дан обстоятельный анализ состояния сельского хозяйства в годы реформы и раскрывается огромное благотворное влияние ее на развитие экономической и политической жизни кишлака.

Нашего внимания заслуживают и брошюры, сборники материалов, журнальные статьи⁴, написанные по горячим следам происходивших событий и в основном посвященные практической стороне проводимых мероприятий с подведением первых итогов реформы. Хотя эти работы лишены серьезных теоретических обобщений, они представляют определенный интерес для историографии, прежде всего как своеобразные исторические документы. В них запечатлены неповторимые черты эпохи:

¹ Икрамов А. Итоги земельной реформы и очередные задачи в области ее закрепления. Доклад на II пленуме ЦК КП(б)Уз 22 февраля 1926 г.—Избранные труды в трех томах. Том 1. Ташкент, 1972, с. 84—105.

² Зеленский И. А. Национальная политика в парторганизациях Средней Азии. Доклад и постановление XIV пленума Средазбюро ЦК ВКП(б). Ташкент, 1927, 51 с.

³ Ходжаев Ф. Отчет правительства Узбекской ССР на II съезде Советов республики 30 марта 1927 г.—Избранные труды в трех томах. Том II. Ташкент, 1972, с. 158—199.

⁴ Давыдов А. Земельная реформа и кредит.—«Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1926, № 12—13, с. 19—33; Ефанов З. Д. Земельная реформа в Андижанском уезде (1925—1926 гг.). Ташкент—М., 1926, 41 с.; его же. Земельно-водная реформа в Мервском и Тедженском оазисах (1926—27 гг.).—«Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 4, с. 25—31; Ходоров И. Некоторые черты земельной реформы в Узбекистане.—«Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1926, № 12—13, с. 1—18; Верменичев И. Д. Об аграрной реформе в Средней Азии.—«Аграрные проблемы», М., 1927, № 2, с. 61—63; Воробейчик А. Кишлак после земреформы.—«За партию», Ташкент, 1927, № 1, с. 66—81; Земельно-водная реформа в Средней Азии. Сборник материалов. Под ред. И. С. Краскина. М.—Л., 1927, 190 с.; Лаврентьев Вл. От колониального рабства к социалистическому хозяйству (Социально-экономические итоги 10-летия Октября в Средней Азии).—«Коммунистическая мысль», Ташкент, 1927, № 6, с. 35—38; Нодель В. О середняке. К итогам последних перевыборов Советов.—«За партию», Ташкент, 1927, № 1, с. 25—31; его же. Меншевицские сплетни о Средней Азии.—«За партию», Ташкент, 1927, № 4, с. 62—64; Шушаков А. Итоги земельно-водной реформы в Средней Азии.—«Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 3, с. 3—9; Дополнительные материалы к отчету по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях УзССР. Экономические результаты реформы и данные ревизии Госфинконтроля, Самарканд, 1928, 168 с., и др.

обстановка в различных районах, настроение дехканских масс, активность бедноты в борьбе за землю. В свое время эти работы сыграли важную пропагандистскую роль, разъясняя трудящимся аграрную политику партии, подлинные цели и задачи реформы, связанные с ней декреты ЦИК УзССР и т. п.

Здесь в первую очередь следует назвать небольшие по объему, но интересные работы З. Ефанова, А. Воробейчикова и Гафиза⁵. В них наряду с характеристикой аграрных отношений в кишлаке и сведениями о первых итогах реформы мы находим ценный фактический материал, живо и реально иллюстрирующий подъем кишлачных масс, охваченных реформой, развернувшуюся в кишлаке острую классовую борьбу, отношение к реформе различных социальных групп, союза «Кошчи», профсоюзов.

Другие авторы, например И. Ходоров и А. Шушаков, сосредоточивали внимание на юридической, организационной и финансовой сторонах земельной реформы. Они освещали законодательство, на основании которого проводилась реформа, источники образования земельного фонда и получения живого инвентаря для наделения ими безземельных и малоземельных дехкан, анализировали статьи расходов по земреформе и источники их покрытия, функции и работу центральной, областных, уездных и районных земельных комиссий⁶.

В ряде работ поднимался вопрос о необходимости закрепления результатов реформы и о конкретных путях к этому. Так, А. Давыдов⁷, подчеркивая широкие возможности, которые открылись для сельского хозяйства в связи с ликвидацией феодально-патриархальных пережитков, высказывал мысль о необходимости дальнейшего совершенствования советской кредитной политики в целях более полного охвата кредитом бедняцко-средняцких хозяйств. Эта мера, по его мнению, должна была способствовать усилению экономического эффекта реформы.

В публикациях тех лет можно почерпнуть сведения и об отличительных чертах реформы в отдельных областях Узбекистана, о различиях в методах осуществления земельной реформы в Узбекистане и Туркменин, в ряде районов которой она «в значительной мере носила характер землеустройства»⁸.

Детальное исследование изменений в социальном составе земледельцев и социально-экономических отношениях в районах реформы, а также определение ее значения для экономики сельского хозяйства, в том числе хлопководства, осуществлены в работе Б. Карпа⁹ и подготовленных и опубликованных работниками НКЗ УзССР «Дополнительных материалах к отчету по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях УзССР...» Изучение указанных вопросов во второй работе осуществлялось в двух направлениях: с одной стороны, были подвергнуты тщательному анализу 12 500 землеустроенных хозяйств, обследованных летом 1927 г., с другой, — изучение велось путем сопоставления данных, характеризующих в целом все хозяйство, охваченные реформой. Для этого были использованы материалы 10-процентных переписей ЦСУ УзССР 1925 и 1927 гг. Авторы стремились осветить следующие вопросы:

1) влияние земельной реформы на развитие производительных сил кишлака и ведущей отрасли сельского хозяйства — хлопководства;

2) значение антифеодальной по своему характеру реформы для ослабления влияния капиталистических элементов в сельском хозяйстве;

3) размер суммы земельной ренты, которая с освобождением сельских тружеников от байской эксплуатации оседает в хозяйстве дехкан;

4) величину (по площади посевов) вновь образованных хозяйств и их экономическую мощь;

5) влияние реформы на другие районы Узбекистана¹⁰.

Ответы на эти вопросы полностью опровергали суждения противников реформы, стремившихся доказать ее «бесполезность» и даже запугать партию призраком неминуемого «упадка» хлопкового хозяйства.

Приведенные в работе Б. Карпа и «Дополнительных материалах...» данные достаточно выразительно показали общий подъем дехканского хозяйства в Узбекистане в результате реформы, проявившийся в процессе осереднячивания кишлака, изжи-

⁵ Ефанов З. Д. Земельная реформа в Андижанском уезде...; Воробейчиков А. и Гафиз. Как проходила земреформа в Узбекистане. — В кн.: «Земельно-водная реформа в Средней Азии. Сборник материалов», с. 49—133.

⁶ Ходоров И. Указ. статья; Шушаков А. Указ. статья.

⁷ Давыдов А. Указ. статья, с. 19.

⁸ Шушаков А. Указ. статья, с. 8—9; Ефанов З. Земельно-водная реформа в Мервском и Тедженском оазисах (1926—27 гг.). — «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 4, с. 28.

⁹ Карп Б. Что дал Октябрь хлопководческому хозяйству. — «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1927, № 6, с. 79—152.

¹⁰ Дополнительные материалы..., с. III—IV.

вании наиболее кабального вида аренды — издольщины, увеличении производства сельскохозяйственной продукции на землях, охваченных реформой. Последнее, в частности, превысило за два года на 14 млн. руб. стоимость продукции, полученной с этих земель в дореформенный период¹¹. Освобождение кишлака от байского засилья содействовало также росту политической активности трудовых масс дехканства. В «Дополнительных материалах...» отмечается еще одна важная деталь в послереформенном развитии кишлака — резкое увеличение числа коллективных хозяйств, что тоже свидетельствовало об изменениях в социально-экономическом и политическом положении кишлака.

К 1927 г. в основных областях Узбекистана земельно-водная реформа была завершена. Однако интерес исследователей к ней не исчез. Грандиозные задачи социалистической реконструкции сельского хозяйства вновь и вновь заставляли исследователей возвращаться к реформе, к изучению вызванных ею социально-экономических сдвигов в кишлаке и оценке возможностей, которые она открывала для коренных социалистических преобразований.

Мы имеем в виду прежде всего работы известного историка-аграрника Е. Зелькиной¹², а также отклики на них в партийных и научно-теоретических журналах¹³.

В трудах Е. Зелькиной, как и в рассмотренной нами предыдущей литературе о реформе, значительное место отведено анализу экономического положения кишлака в дореволюционный и послереволюционный период, а также обоснованию необходимости земельной реформы, которая, по мнению автора, была призвана ликвидировать в первую очередь «феодално-крепостнические пережитки в сельском хозяйстве»¹⁴. Учитывая особенности развития капиталистических отношений в Средней Азии (сращивание и переплетение их с элементами феодализма), Е. Зелькина вполне правомерно отмечала и антикапиталистическую направленность данной реформы, подтверждая это конкретными фактами об изъятии излишков земель у кулацких хозяйств.

Говоря о значении работ Е. Зелькиной того периода, следует указать, что они представляют научную ценность и интерес в первую очередь как исследования, в которых сделана попытка дать связное изложение истории развития аграрных отношений в Средней Азии в колониальный и послеоктябрьский периоды, обобщить и осмыслить деятельность партии и Советского государства в области революционного переустройства кишлака, определить роль и место в этом процессе земельно-водной реформы. Всем ходом изложения автор подводит читателя к мысли о необходимости дальнейшей социальной и технической реконструкции дехканского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана. Ценен и содержащийся в публикациях Е. Зелькиной обильный фактический материал.

Вместе с тем она не избежала и ошибочных суждений и выводов. Так, Е. Зелькина была одним из сторонников тезиса о том, что до 1925—1927 гг. в среднеазиатской деревне «не только не была произведена социалистическая революция, но даже не была произведена буржуазно-демократическая [революция]»¹⁵. Исходя из этого, она неверно считала, что земельная реформа «была и буржуазно-демократической, и социалистической революцией одновременно»¹⁶.

Не сумев раскрыть действительного значения Великой Октябрьской социалистической революции для среднеазиатского кишлака 20-х годов, Е. Зелькина прошла и мимо тех качественных сдвигов в социально-экономической и политической жизни дехканства, которые произошли в результате победы Октября. Развитие кишлака в годы «военного коммунизма» и восстановительный период (вплоть до реформы 1925—1927 гг.) неправильно характеризовалось автором как происходившее будто

¹¹ Дополнительные материалы..., с. 63.

¹² Зелькина Е. Земельная реформа в Средней Азии. — «Революционный Восток», М., 1928, № 3, с. 133—167; ее же. Вопросы контрактации хлопка. — «На аграрном фронте», М., 1928, № 6—7, с. 59—69; ее же. Аграрные реформы на Советском Востоке. — «На аграрном фронте», М., 1929, № 6, с. 15—23; ее же. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930, 127 с.

¹³ Ноделъ В. Земельно-водные реформы на Советском Востоке. — «Революция и национальности», М., 1930, № 1, с. 48—54; Давыдов А. Е. Зелькина. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., Изд. Комакадемии, 1930, 127 с. — «За реконструкцию сельского хозяйства», Самарканд, 1930, № 5—6, с. 182—189; Лаврентьев В. Л. О путях пролетарской революции в аграрных странах Советского Востока. — «На аграрном фронте», М., 1930, № 9, с. 28—44; Сегиббаев С. За ленинское понимание характера Октября в Средней Азии. — «Большевик», М., 1930, № 14, с. 64—82.

¹⁴ Зелькина Е. Аграрные реформы на Советском Востоке, с. 19.

¹⁵ Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, с. 82.

¹⁶ Там же, с. 88; ее же. Аграрные реформы на Советском Востоке, с. 19, 20.

бы «на старой дореволюционной основе»¹⁷. Утверждая, что в среднеазиатском кишлаке «к 1925—26 гг. восстановились в основном дореволюционные аграрные отношения», что «экономика среднеазиатской деревни сохранила на восьмом году революции свое старое лицо»¹⁸, Е. Зелькина тем самым признавала в нем развитие лишь докапиталистических и капиталистических отношений, что было в корне неверным. Из этих взглядов вытекала и общая оценка ею земельной реформы, представлявшей якобы «первый шаг», «исходный пункт социалистического строительства кишлака и аула»¹⁹.

Как видим, Е. Зелькина не только переоценила действительную роль и значение земельно-водной реформы 1925—1927 гг., явившейся на деле лишь одним из этапов советской аграрной политики в среднеазиатских республиках, начало которой было положено Великим Октябрем, но и не смогла дать правильную картину процессов революционного и хозяйственного развития в дореформенном кишлаке. Выказанные ею ошибочные взгляды никак не согласовались с ленинской идеей некапиталистического развития народов бывших отсталых колониальных окраин, а также с ленинским определением характера экономики переходного периода как борьбы старого и нового, докапиталистического и капиталистического укладов с развивавшимся и набиравшим силу социалистическим укладом²⁰, что, безусловно, было характерно и для дореформенного кишлака.

Неправильное понимание Е. Зелькиной характера Октября в Средней Азии, повлиявшее, в частности, и на ее оценку земельно-водной реформы 1925—1927 гг., как и ошибки ряда руководителей Аграрного института Комкадемии, были отмечены особым решением коммунистической фракции I съезда аграрников-марксистов в декабре 1929 г.²¹ Эти и другие неверные суждения автора были подвергнуты обстоятельному разбору и критике на страницах журналов «Большевик», «На аграрном фронте», «Революция и национальности», «За реконструкцию сельского хозяйства».

В статьях В. Ноделя, Вл. Лаврентьева, С. Сегизбаева и других авторов детально проанализированы общие закономерности и особенности революционного процесса на Советском Востоке, пути развития дехканского хозяйства в первое послеоктябрьское десятилетие, соотношение классовых сил в кишлаке тех лет. На этой основе была дана правильная оценка характера Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии, определено действительное место земельно-водной реформы 1925—1927 гг. в системе мер Советского государства по разрешению аграрного вопроса и преобразованию сельского хозяйства на социалистических началах.

«Нельзя ставить вопрос,—писал В. Нодель,—что только после земельно-водной реформы начинается социалистический этап революции. Это по существу явилось бы механическим подходом к революции, вырыванием бывших колоний из общей хозяйственной системы СССР, отрицанием наличия мероприятий социалистического переустройства хозяйства за весь истекший период»²². Свообразие социалистического строительства в республиках Советского Востока, по мнению Ноделя, в том и состояло, что «фундамент социалистического хозяйства, социалистических отношений закладывался до того, как были окончательно разрешены задачи буржуазно-демократической революции»²³. В противовес мнению Е. Зелькиной он подчеркивал, что «за период с 1917 г. до 1925 г. ...произошли крупные и решающие изменения в политической организации масс и в экономическом строе Советского Востока», которые сыграли важную роль в успешном осуществлении реформы 1925 г. Весь этот период В. Нодель рассматривал как этап некапиталистического развития среднеазиатского дехканства, который протекал под руководством и при возрастающей помощи российского рабочего класса²⁴.

Вл. Лаврентьев и С. Сегизбаев также подчеркивали решающую роль диктатуры пролетариата в послеоктябрьском развитии кишлака, напоминая о ленинской мысли, что основным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти, определяющий все в ее развитии, в ее внешней и внутренней политике²⁵.

¹⁷ Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, с. 74.

¹⁸ Зелькина Е. Вопросы контрактации хлопка, с. 62; ее же. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, с. 84.

¹⁹ Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, с. 90, 104; ее же. Аграрные реформы на Советском Востоке, с. 19.

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 206—207.

²¹ Сегизбаев С. За ленинское понимание характера Октября в Средней Азии.—«Большевик», М., 1930, № 14, с. 81.

²² Нодель В. Земельно-водные реформы на Советском Востоке.—«Революция и национальности», М., 1930, № 1, с. 49.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Лаврентьев Вл. Указ. статья, с. 31, 38; Сегизбаев С. Указ. статья, с. 65, 71. Ср.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 200.

Забвение этого, как совершенно верно указывали они, послужило главным истоком ошибочного взгляда Е. Зелькиной на роль Октября и земельно-водной реформы 1925—1927 гг. в Средней Азии. Другое дело, что на восточных окраинах партия действовала более осторожными методами и темпы революции в кишлаке были более медленными. Это объясняется спецификой местных условий, на что не раз обращали внимание В. И. Ленин и партия.

Не проходит мимо этого факта и авторы рассматриваемых статей. Но анализируя эти особенности, С. Сегизбаев и Вл. Лаврентьев сходились на том, что они «ни в какой степени не определяют генеральной линии развития Советского Востока», крестьянские массы которого «пошли за пролетариатом Советского Союза в конечном счете по тому же социалистическому пути, что и основные массы середняков и бедноты более передовых «европейских» районов Союза»²⁶.

В подтверждение своей точки зрения на качественно новый характер процесса развития кишлака в послеоктябрьский период Вл. Лаврентьев подробно проанализировал происшедшие в результате Октябрьской революции, а также победоносного завершения гражданской войны изменения в расстановке и соотношении классовых сил внутри среднеазиатской деревни, показал зарождение и развитие принципиально новых хозяйственных связей трудящегося дехканства с пролетарским государством, раскрыл роль и значение новой экономической политики в укреплении «социалистических тенденций развития»²⁷. Все это привело его к выводу, что «среднеазиатский кишлак в 1925 г.» не так уже «очень сильно походил на кишлак 1917 г.» и основа экономики сельского хозяйства была не такая уже «старая» и ...«дореволюционная», как это кажется т. Зелькиной»²⁸. Вместе с тем автор указывал, что в период, предшествующий реформе, не были еще окончательно уничтожены остатки феодализма, тормозившие переключение кишлака на социалистический путь развития. Поэтому главной целью земельно-водной реформы была ликвидация пережитков феодальных и родовых отношений, т. е. доведение до конца начатого Октябрем решения задач буржуазно-демократической революции. Эту же мысль проводил в своей статье и С. Сегизбаев²⁹. В то же время В. Лаврентьев отмечал, что реформе была присуща и антикапиталистическая направленность³⁰.

Таким образом, как правильно считали В. Нодель, Вл. Лаврентьев, С. Сегизбаев, земельно-водная реформа была одним из этапов социального переустройства Средней Азии. Следует отметить, что эти статьи, посвященные животрепещущим вопросам периода 20-х годов, не утратили актуальности и до настоящего времени. Анализ практического осуществления ленинской теории социалистической революции в конкретных условиях аграрных стран Советского Востока, рассмотрение послереволюционных мероприятий Коммунистической партии и Советского государства в до-реформенном кишлаке позволили указанным авторам раскрыть особенности революционных преобразований в сельском хозяйстве Средней Азии, роль и значение земельно-водной реформы 1925—1927 гг.

Л. С. Иванова

²⁶ Лаврентьев Вл. Указ. статья, с. 28; Сегизбаев С. Указ. статья, с. 68.

²⁷ Лаврентьев Вл. Указ. статья, с. 36.

²⁸ Там же, с. 38.

²⁹ Сегизбаев С. Указ. статья, с. 75—80.

³⁰ Лаврентьев Вл. Указ. статья, с. 41.